

УДК 930.85

**АСПЕКТЫ ВОСПРИЯТИЯ ФОТОИЗОБРАЖЕНИЙ
В АВРААМИСТИЧЕСКИХ КУЛЬТУРАХ:
ТРАДИЦИЯ АНТРОПОМОРФИЗМА
И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ МОДЕРНИЗАЦИИ**

К.Ю. Петрова, О.В. Хазанов

Томский государственный университет
E-mail: p.kcenia@yandex.ru; e-mail:klio1@yandex.ru**Петрова Ксения Юрьевна**,
магистрант Исторического
факультета Томского Го-
сударственного универси-
тета.E-mail: p.kcenia@yandex.ru
Область научных интере-
сов: история фотографии,
догматика и практика ав-
раамистических культур.**Хазанов Олег Владими-
рович**, канд. ист. наук, до-
цент Исторического фа-
культета Томского Государ-
ственного университета.E-mail: klio1@yandex.ru
Область научных интере-
сов: сравнительное рели-
гиоведение.

Исследуются основные принципы и традиции восприятия изо-
бражений в авраамистических культурах. Рассматриваются
представления об антропоморфных изображениях, распро-
страненные у различных народов до возникновения монотеистиче-
ских доктрин. Анализируются мнения современных богословов
относительно фотографии и традиций отношения к изображе-
ниям и творчеству. Выявляются параметры, влияющие на от-
ношение к антропоморфным фотоизображениям в авраамисти-
ческих культурах.

Ключевые слова:Творчество, фотография, иудаизм, христианство, ислам,
авраамистические культуры.

Авраамистические религии с их четко очерченной
и довольно жесткой догматикой, глубоко укорененной в
многовековой традиции каждой, в условиях современного стремительно меняющегося мира
сталкиваются с необходимостью каждый раз искать ответ на вызов эпохи. Среди множества
аспектов, требующих сегодня переосмысления, можно выделить и запрет на антропоморфные
изображения.

Традиционное отношение к антропоморфным изображениям в авраамистических куль-
турах неоднозначно. С большой степенью вероятности оно восходит к дуалистическому вос-
приятию феномена симпатической магии, сформировавшемуся во времена, когда монотеизма в
принципе еще не существовало, и были распространены представления об изображениях как
вместилищах душ, аналогах самих людей.

Д. Фрезер в своей, ставшей классической, работе отмечает, что многие народы в разные
эпохи прибегали к посредству изображений со злонамеренной целью отправить на тот свет не-
желательных людей. Пытались «...нанести вред врагу или погубить его путем нанесения уве-
чий его изображению или уничтожения последнего в полной уверенности, что человек, против
которого направлены эти магические действия, испытает при этом те же страдания или умрет»
[1. С. 20; 21]. Он отмечает, что этот обычай удивительно живуч и широко распространен во
всем мире.

Близко этому представлению мнение, тоже широко распространенное, согласно кото-
рому душа, жизненная сила различными способами может быть отделена от тела. «Но не толь-
ко перечисленные опасности тревожат дикаря. Часто он видит свою душу – или другую важ-
ную часть своего существа – в тени или отражении, которые с необходимостью становятся для
него источниками опасности. Ведь если тень растоптали, ударили или укололи, наносится
ущерб личности ее владельца, а если ее отделили от него вовсе (в возможность чего он верит),
человек умирает» [1. С. 204]. При магическом восприятии опасения за свою душу жизнь поро-
ждает негативное отношение к антропоморфным изображениям, поскольку они могут быть ис-
пользованы для вредоносных целей. Тем более, если изображения имеют портретное сходство,
– удовлетворяют принципу гомеопатической магии. «С портретами дело обстоит так же, как с
теньями и отражениями. Часто считают, что они содержат в себе душу изображенного лица. Ве-

рящие в это люди, естественно, неохотно позволяют снимать с себя изображение. Ведь если портрет связан с душой или, по крайней мере, жизненно важной частью изображенного, владелец портрета сможет оказать на оригинал роковое воздействие». [1. С. 208].

Архетипические представления о связи человека с собственным изображением чрезвычайно жизнестойки.

Фототехнологии облегчают создание изображений, в том числе и антропоморфных, а их развитие, информатизация и информационная открытость общества предоставляют широчайшие возможности распространения фотоизображений. Изобретение фотографии – способа создания изображений, характеризующегося высокими скоростью и точностью, актуализировало внутрикультурную полемику, формирование отношения к этому явлению.

Во многих синагогах, церквях, мечетях можно увидеть таблички, запрещающие фотосъемку. Это является и попыткой защитить молящихся во время богослужения от вездесущих фотографов и фотолюбителей, и наиболее простым выходом из дискуссии о случаях возможности допущения фотографирования.

В условиях современного информационного общества во всех трех культурах фотография используется довольно широко.

В культуре ислама представление о предосудительности изображения одушевленного возникло в связи с осуждением этого в хадисах. «Хуже всех людей будут наказаны в день страшного суда те, кто подражает творению Аллаха», «Поистине тех, кто создаёт эти изображения, в День воскресения подвергнут мучениям и им будет сказано: "Оживите то, что вы создали!"», «Каждый создающий изображения окажется в Огне, где за каждое созданное им изображение будет создан тот, кто станет мучить его в Аду. Если уж ты непременно должен делать это, то изображай деревья и всё то, в чём нет духа» и т. д. (Муснад, 91/104, Фатх аль Бари, 10/382, 10/385; Муслим, 3/1871, Бухари. Сахих 89/104). Важнейшей причиной формирования изобразительных запретов в культуре ислама была необходимость предотвращения возможных проявлений идолопоклонства.

Также особое внимание отводится раскрытию тезиса недозволённости творчества как Творения, недопустимости подражания Богу-Творцу. Попытка уподобиться Богу в культуре ислама считается тяжёлым грехом. И указания на недопустимость изображения живых существ выходят из опасения его совершения.

Таким образом, антитворческие предписания призваны помочь избежать более тяжёлых проступков. Вредной, недозволённой стороной искусства, творчества считается вероятность того, что изображающий, увлекшись, начнет претендовать на свою причастность к Сотворению, а то и вовсе возомнит себя Создателем, Творцом, т. е. уподобит Богу.

Этому тезису отводится особое внимание в хадисах, согласно которым человек, изображая живое, понесет наказание за попытку уподобления Творцу, заранее обречённую на провал вследствие несовершенства человека по сравнению с Абсолютом, а не за сам факт изображения.

Осуждение изображений мусульманскими богословами началось в XI в., во время распространения различных народных толкований учений – как ортодоксальная реакция. Эти запреты не являлись общеупотребительными законами, и их толкование зависело от конкретных условий, а жесткость следования им – от изобразительных традиций регионов. Впоследствии негативное отношение к изображению одушевленного становится более характерным для исламской культуры.

Проникновение европейской культуры, а с нею и иллюстрированных книг и журналов, фотографии в мусульманские страны вынудило мусульманских ученых обратиться к толкованию традиционных предписаний, формированию отношения к новшеству.

Одно из направлений исламской мысли относительно отношения к фотоизображениям связано с осмыслением фотографии как техники.

Сущность фотографии одними исламскими мыслителями понимается как творческая деятельность фотографа (при создании композиции, например) и его механические усилия в работе с камерой, что попадает под изобразительные запреты (шейх ал Албани). Другими – как появление изображения просто под действием света, лишь отражение действительности, как в зеркале, не запрещённое (шейх Мухаммад Бухейт, шейх Юсуф Кардави) [2].

Некоторые склоняются к негативному восприятию фотографии в целом, рекомендуя максимально воздерживаться от того, чтобы их иметь или создавать, (шейх алАлбани, шейх Мухаммад Икбала Надви, шейх Мухаммад Салих аль Мунаджид) [2]. Либо, в противном случае, ответственно подходить к использованию изображения и следить, чтобы оно было благочестивым (шейх Юсуф Кардави) [3]. Даже рекомендуют по возможности избавляться от газет, журналов с изображениями (Мунаджид, Кардави) [2, 3].

В тоже время в современном мире отказаться от всех фотографий невозможно.

В исламской культуре есть принцип «исключительная необходимость снимает запрет», использующийся, в частности, для «легализации» тех изображений, отказаться от которых затруднительно. В соответствии с ним позволяются снимки для документов, для помощи правосудию, поиска людей, медицинских или образовательных целей, если они не могут быть достигнуты иными средствами. При создании, использовании фотоизображений важна цель – она должна быть благочестивой, и содержание – оно должно соответствовать нормам шариата.

В культуре иудаизма отношение к изображениям определяется второй из заповедей Декалога: «Не делай себе кумира и никакого изображения того, что на небе вверху и что на земле внизу, и что в воде под землею (*в Исх. 20:4–5 – ниже земли*). Не поклоняйся им и не служи им» (Шемот 20.4–5). Заповедь запрещает создание изображений чего бы то ни было и поклонение изображениям. Уважение человека, образа Божьего в человеке, также влияет на восприятие антропоморфных изображений. Этот запрет относится и к трехмерным, и к двумерным изображениям, и является комплексным – не делай и не поклоняйся. Изначально запрет не распространялся на изображения, для поклонения не предназначенные, даже если это были украшения ритуальных предметов, интерьеров синагог.

Впоследствии, опасаясь использования в качестве идолов (а в различных культурах изображения для поклонения с древних времен были трехмерными), иудейские мудрецы запретили создавать трехмерные изображения. Такое ужесточение является «оградой Торы» – дополнительным ограничением, вводимым мудрецами, раввинами для предупреждения нарушения заповедей Торы. Около III в. ослабили религиозные традиции Римской империи, по мнению иудейских мудрецов угрожавшие иудаизму, и они смягчили изобразительные запреты. И снова ужесточили их в V–VI вв., стремясь отмежеваться от христиан, использовавших искусство для распространения своей веры. В своде законов «Шулхан Арух» (XVI в.) признаны допустимыми плоские изображения человека, если какие-то части тела деформированы, отсутствуют или чем-либо заслонены. В XIX в., когда мировое искусство основательно отмежевывалось от религии, иудейские религиозные запреты вновь ослабили.

Современные запреты относительно плоских изображений не привязаны к технике их исполнения – будь то живопись, рисунок, графика, в том числе и компьютерная, или фотография. На фотографию, изображение двумерное, но не изменяющее изображаемое – реалистичное отображение, – не распространяются и предписания деформации образов.

Однако и фотографические изображения не являются исключением, если речь идет о снимках, предназначенных для почитания, таких как изображения популярных политиков, актеров, спортсменов, музыкантов.

Так, строгость запретов «ограды Торы» в зависимости от индивидуального восприятия и отношения может несколько варьироваться. Были раввины, противящиеся любой росписи синагог, в том числе и двумерными незапрещенными благочестивыми изображениями, из опасения, что верующие будут из-за них отвлекаться от молитвы. Рамбам возражал против включения изречений из Танаха в рисунки – чтобы из священных текстов не делали изображения.

Раввин А. Штейнзальц отмечает, что в иудаизме никогда не запрещались изображения как таковые, запрещено изготовление идолов – объектов поклонения. Он категорически против любых изображений, вплоть до цветка, просто столба, если они изготавливаются ради религиозного поклонения. «Любую вещь, реальную или нереальную, нельзя превращать в божество» [4]. П. Полонский также говорит, что изобразительные запреты вызваны опасениями поклонения им, отмечает, что если не для поклонения, то есть даже возможности создания трехмерных изображений [5].

Неприятие творческой деятельности как таковой для иудаизма не характерно. Изобразительные запреты призваны ограждать от случайных проступков, предохранять менее волевых и сознательных верующих от преступления заповедей.

В христианской культуре нет негативного отношения к изобразительному творчеству. В ряду авраамистических она выделяется тем, что при следовании второй заповеди Декалога в ней наличествует укорененная традиция сакральных изображений.

Догматической причиной возможности изображения невидимого Бога является Боговоплощение. «Бога не видел никто никогда; Единородный Сын, сущий в недре Отчем, Он явил» (Ин.1:18). Для христианской культуры Иисус Христос есть воплотившийся, вочеловечившийся Бог. Бог, которого видели современники воплощения, и потому Бога-Иисуса Христа изобразить можно.

Раннехристианскому искусству свойственно использование изобразительных традиций античности и эллинизма и символичность, наделение изображений новыми, духовными смыслами. С религиозными реформами IV в. императора Константина, христианам уже нет необходимости скрываться, утаивать истинный смысл своих изображений от язычников. Начинается формирование собственного изобразительного языка и развитие его догматики.

Характерным его отличием в ряду авраамистических культур является традиция иконописи – священных изображений и молитвенного, и назидательного предназначения, «символов инобытия в нашем мире» [6. С. 36]. Согласно христианскому Преданию, иконописная традиция берет начало от Нерукотворного Образа, созданного самим Христом, икон, написанных апостолом Лукой.

Христианской истории известны примеры борьбы за аниконизм, это еретическое движение иконоборчества в Византии VII–VIII вв., завершившееся восстановлением почитания икон и отказом от статуй и круглой скульптуры. Рецидивы иконоборчества, базирующиеся уже не на догматических обоснованиях, а на идее «простой и дешевой Церкви», наблюдались в средние века, в эпоху протестантской реформации в странах Западной Европы.

В современной христианской культуре негативное восприятие творчества как явления отсутствует. Оно воспринимается как свойство человека – созданного по образу и подобию Бога-Творца. Отношение к творчеству зависит от форм, в которых оно проявляется. Принципы отношения к фотографии формируются на основании принципов отношения к традиционным видам изображений и творчеству. Например, разделы о нравственности и светских науке, культуре, образовании ОСК РПЦ содержат призыв нравственной оценки искусства, протест против использования средств искусства и культуры для пропаганды пороков [7. X. 6; XIV. 2]. Протоиерей М. Козлов, рассматривая отношение православия к культуре, подчеркивает, что нет негативных установок по отношению к творчеству [8. С. 109–112]. «Думается, у нас нет никаких оснований делать заключения об изначальной поврежденности творчества грехом. Такая уверенность у нас возникает, потому что мы видим преимущественно произведения искусства, которые грехом изрядно загажены или искажены. ... Но тем не менее мы знаем, что нет ничего дурного по своей природе. Есть вещи, дурные лишь по своему употреблению. ... Но есть множество произведений искусства (и не только специально церковного), в которых этот соблазн преодолен» [8. С. 109; 110]. Также он говорит и об опасности для художника, творческого человека осознания себя неким самостоятельным творцом как бы вне и помимо Бога, отмечает, что уже в силу творческих способностей к художникам счет особый, тем более ответственность увеличивается, если их произведения множатся, распространяются, могут влиять на общественное сознание.

Можно выделить базовые критерии, на основании которых в авраамистических культурах характеризуются антропоморфные фотоизображения, оцениваются их качества. Это:

1. степень творческой активности автора;
2. личное отношение автора к процессу деятельности;
3. личное отношение автора к результату деятельности;
4. степень тварности, метод, используемый при создании изображения;
5. характеристики изображаемого;
6. эффект, производимый на зрителей при демонстрации.

Для культуры иудаизма наиболее важны критерии 2 и 3. Характер отношения человека к изображению исторически определял и направление религиозной мысли относительно изображений.

Для христианской культуры основными являются критерии 2, 3 и 6, и, в определенной степени, 5. То есть, степень осознания автором себя творцом, а работы – творением, моральная ответственность перед зрителями и степень нравственности изображаемого. Четко прописанные, установленные традицией общеобязательные нормы отсутствуют, что оставляет высокую степень свободы интерпретации.

Для исламской культуры можно выделить значимость всех критериев 1–6, с уточнением, что опасение неподобающего отношения автора и зрителя к работе привело к попыткам регламентации самого хода работы и визуальных характеристик изображаемого (требование соответствия изображения нормам шариата) – критерии 1, 4, 5.

Из трех культур система принципов отношения к антропоморфным изображениям наиболее полно проработана в культуре ислама. Разные богословы допускают большую или меньшую степень свободы верующих в вопросе определения критериев допустимости изображений, методов.

В настоящее время о перспективах универсального определения допустимости изображений говорить сложно. В силу множественности практических ситуаций, а также технологических возможностей, индивидуальное отношение личности к проблеме становится все более важным фактором, хотя и не всегда определяющим.

Это самая общая картина, отражающая основные тенденции в формировании отношения авраамистических религий к фотографии. Все это еще требует дальнейшего изучения и детализации, связанной с введением в оборот новых источников, сквозь призму которых мы сможем рассмотреть как специфику решения данной проблемы в рамках каждой из конфессий, так и внутриконфессиональные особенности, связанные с множественностью интерпретаций в различных течениях одних и тех же догматов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Фрезер Дж.Дж. Золотая ветвь: Исследование магии и религии / пер. с англ. М.К. Рыклина. – М.: ООО «Изд-во АСТ»: ЗАО НПП «Ермак», 2003. – 781 с.
2. Рукотворный образ: от запрета к ограничению // Минарет. – 2007. – № 1 (011). URL: http://www.idmedina.ru/books/history_culture/minaret/11/main.htm (дата обращения: 03.11.2012).
3. Кардави Ю. Дозволенное и запретное в исламе / пер. М. Саляхетдинова. 2-е изд., доп. – М.: Умма, 2005. – 352 с.
4. Штейнзальц Р.А., Копельман З. Талант художника – Божий дар: беседы с равом // Отцы и дети. – 2003. – № 36. URL: http://www.judaicaru.org/mekorhaim/besedu_36.html (дата обращения: 03.11.2012).
5. Полонский П. Маханаим // Центр еврейского образования на русском языке. 2011. URL: http://www.machanaim.org/ustntora/in_ustntora.html (дата обращения: 03.11.2012).
6. Алексеев С.В. Энциклопедия православной иконы. Основы богословия священных изображений. – СПб.: САТИСЪ, 2002. – 335 с.
7. Основы социальной концепции Русской Православной Церкви // Официальный сайт Московского Патриархата. 2005 г. URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/141422.html> (дата обращения: 03.11.2012).
8. Козлов М. 400 вопросов и ответов о вере, церкви и христианской жизни. – М.: Изд-во Сретенского монастыря, 2007. – 400 с.

Поступила 18.03.2013 г.